

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД

ПОКА Я БЫЛА СЛЕПА

Лея Ветрова

Развод. Пока я была слепа

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Пока я была слепа / Л. Ветрова — «Автор», 2026

Сегодня утром зрение начало возвращаться. Первое, что я увидела, — красные губы Валерии на губах моего мужа. Они не заметили. Они уверены, что я всё ещё слепа. После аварии я одиннадцать недель жила в темноте, полностью завися от Дмитрия и его помощницы. Поэтому любовница мужа по-прежнему помогает мне раздеваться, он не прячет телефон, а бумаги на подпись кладёт туда, где я не могу прочесть мелкий шрифт. Я молчу. Пока. Потому что измена — не самое страшное из того, что Дмитрий скрывает от меня. Чтобы вернуть себе деньги, работу и собственную жизнь, мне придётся научиться видеть не только глазами. И довериться мужчине, который первым спрашивает, чего хочу я. Только он — мой врач. А муж уже готов превратить нашу близость в оружие. ХЭ не с изменником.

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лея Ветрова

Развод. Пока я была слепа

Глава 1

Красное появилось справа от чайника.

Не свет; к нему я давно привыкла. Даже с закрытыми глазами можно понять, когда Дмитрий раздвигает шторы: темнота становится жиже, будто в неё плеснули молока. Но сегодня в этой привычной белёсой мути дрожало маленькое красное пятно. Оно то пропадало, то возвращалось, и я несколько секунд сидела, не дыша, с ложкой в руке, пока овсянка медленно стекала обратно в тарелку.

Наверное, мозг опять развлекается.

За последние одиннадцать недель он уже показывал мне синюю искру, косую золотую полосу и чёрный шар, который однажды плыл за мной из ванной до спальни. Кирилл Арсеньев называл это остаточными зрительными феноменами и просил не придавать им значения. Я придавала. Человек вообще с трудом перестаёт верить в чудеса, когда у него отняли обычные вещи. Например, собственное лицо в зеркале. Или возможность налить кипяток, не проверяя пальцем, где заканчивается чашка.

Красное пятно качнулось.

Я положила ложку на край тарелки. Металл звякнул слишком громко, и Дмитрий перестал листать что-то в телефоне.

— Горячо? — спросил он.

— Нет.

— Тогда чего не ешь?

— Думаю, стоит ли сообщать Лере, что овсянка способна склеить не только кишечник, но и кирпичную кладку.

Слева от меня быстро втянули воздух. Валерия обижалась тихо, зато очень старательно. За полтора месяца я научилась различать все оттенки её молчания. Сейчас был тот, при котором губы складывались в тонкую линию, а взгляд наверняка летел к Дмитрию: скажи ей что-нибудь.

— Анют, — начал он знакомым примирительным тоном, — ты сама просила без сахара.

— Без сахара. Не без воды.

— Я могу сделать сырники, — вмешалась Валерия. — Там творог свежий, я вчера купила.

Красное двинулось вместе с её голосом.

Я убрала руки под стол и вытерла ладони о колени.

Не искра. Не шар. Оно находилось там, где должна была сидеть Валерия, и меняло положение, когда она поворачивала голову. Я ещё не понимала, что именно вижу. Губы? Заколку? Рисунок на блузке? Пятно расплывалось, будто кто-то мазнул краской по мокрой бумаге, но оно было настоящим. Настоящим настолько, что захотелось вскочить, схватить Дмитрия за руку и заставить посмотреть вместе со мной — как будто он мог заглянуть внутрь моей головы и увидеть этот жалкий клочок цвета.

Я уже открыла рот, но Валерия зашуршала салфеткой совсем близко. От неё пахло ванилью и чем-то терпким, аптечным. Этим запахом давно пропиталась кухня, хотя раньше здесь обычно пахло кофе, моим кремом для рук и поджаренным хлебом. Наверное, так и происходит: чужой человек входит в дом не сразу. Сначала оставляет на полотенце влажный след. Ставит шампунь на край ванны. Меняет местами чашки, потому что ему так удобнее. А через месяц ты уже на ощупь ищешь сахарницу там, где она простояла двенадцать лет.

— Сырники, — повторила Валерия. — Или омлет. Анна, что вы хотите?

Она всё ещё называла меня на «вы», хотя застёгивала мне бюстгальтер, собирала волосы и однажды держала таз, пока меня выворачивало после новых таблеток. Странная форма уважения: видеть человека в одних трусах, но не позволять себе фамильярности.

— Кофе, — сказала я.

— Тебе нельзя крепкий, — тут же отозвался Дмитрий.

— Тогда зачем ты спрашивал, чего я хочу?

— Я не спрашивал.

Он устало усмехнулся и провёл ладонью по столу. Я узнала звук: кожа мягко прошлась по дереву, часы царапнули край. Раньше Дмитрий снимал их дома. После аварии почему-то перестал, и теперь время находилось рядом с ним постоянно — тикало в спальне, стучалось о дверные косяки, задевало моё плечо, когда он помогал подняться. Иногда ночью я просыпалась именно от часов. Слушала их и думала, что муж опять не спит, лежит рядом и смотрит в потолок. Потом протягивала руку, находила его локоть и успокаивалась.

— Сделай ей кофе, — попросил он Валерию. — Слабый.

— Я сама.

— Ань.

В одном слогe уместилось всё: не начинай, не доказывай, не заставляй меня снова собирать осколки. Я сжала пальцы под столом. Ещё недавно могла вслепую пройти по собственной кухне, зная каждый угол. Потом Валерия переставила кофемашину, убрала ножи в другой ящик и решила, что табурет возле окна мешает. В первый раз я налетела бедром на столешницу. Во второй разбила чашку. Дмитрий присел рядом, пока я шарила ладонями по полу, перехватил запястье и сказал очень мягко:

«Не надо геройствовать. Тебе есть кому помочь».

Тогда я разревелась от благодарности. Теперь от этих слов почему-то хотелось скрипнуть зубами.

— Хорошо, — сказала я и повернула голову к Валерии. — Сделайте, пожалуйста.

Красное пятно снова качнулось. Ниже проступило что-то бледное, почти круглое. Лицо. Я моргнула.

Мир не исчез.

Белая полоса окна стала шире, отделилась от серой стены. Тёмный прямоугольник передо мной оказался столом, а за ним сидели двое — пока ещё без черт, без глаз и ртов, просто человеческие фигуры, вырезанные из грязного картона. Одна крупнее, в тёмном. Другая тонкая, светлая, с красным возле лица.

Господи.

Я вижу.

Радость ударила не в сердце, а куда-то под рёбра, коротко и больно, словно там лопнул тугой пузырь. Воздух вырвался из лёгких смешным всхлипом. Я прижала ладонь ко рту и тут же сделала вид, что кашляю.

Дмитрий отодвинул стул.

— Подавилась?

Его фигура поднялась. Тёмная, высокая, знакомая даже без лица. Он сделал шаг ко мне, и я впервые за одиннадцать недель увидела собственного мужа. Не таким, каким пыталась вспоминать по ночам: серые глаза, складка на щеке, родинка возле виска. Пока только широкие плечи, белёсое пятно рубашки и рука, протянутая в мою сторону.

Я чуть не сказала ему.

Слова уже стояли в горле — огромные, горячие. Дима, я вижу тебя. Слышишь? Я тебя вижу.

Он коснулся моего подбородка, приподнял лицо и большим пальцем провёл по нижней губе.

— Нормально?

Я кивнула. От прикосновения стало ещё хуже. Захотелось уткнуться ему в живот, зажмуриться и снова открыть глаза, чтобы он никуда не делся. Чтобы лицо наконец собралось из пятен. Чтобы я увидела, насколько он осунулся, появились ли новые седые волосы, о которых Валерия как-то упомянула. Она сказала тогда: «Дмитрий так переживает, посидел за эти месяцы». Словно я была стихийным бедствием, через которое он героически прошёл.

— Точно? — Он наклонился ближе.

— Точно.

Почему я промолчала, сама не поняла. Может, испугалась, что произнесу вслух — и красное снова растворится. Может, хотела сначала убедиться, позвонить врачу, услышать спокойное «это не галлюцинация». А может, мне вдруг стало жаль этих нескольких секунд, принадлежащих только мне. После аварии всё моё превратилось в общее: таблетки, бельё, душ, месячные, бессонница. Каждый шаг требовал свидетеля. Возвращение зрения я решила хотя бы ненадолго оставить себе.

Всего на несколько минут.

Дмитрий погладил меня по волосам и вернулся на место. Валерия поставила чашку справа от моей руки, хотя всегда ставила слева. Я нащупала блюдце нарочито медленно, задела край пальцами и поймала чашку раньше, чем она опрокинулась.

— Осторожно, — одновременно сказали они.

И засмеялись.

Не громко. Дмитрий — низко, почти беззвучно, Валерия — коротко, с придыханием. Так смеются люди, которые давно привыкли попадать в один ритм. Меня это кольнуло, но я тут же одёрнула себя. Господи, они находились рядом каждый день, пока я училась заново ходить по квартире. Конечно, привыкли. Конечно, у них появились свои шутки, жесты, раздражение друг на друга. Валерия помогала ему не меньше, чем мне. Покупала продукты, разбиралась с доставками, звонила в клинику, когда Дмитрий задерживался. Я должна была быть благодарна, а вместо этого вдруг ревновала к обычному смеху.

Красное пятно опустилось к столу.

Я поднесла чашку к губам. Кофе оказался едва тёплым и пах пережжённым зерном. Валерия делала его отвратительно, зато Дмитрий хвалил. Он вообще стал часто её хвалить — за суп, за пунктуальность, за то, что нашла нужные капли дешевле. Меня он тоже хвалил. Когда я не промахивалась мимо рукава, проходила коридор без трости или съедала всё, что лежало в тарелке.

Умница, Аня.

Как ребёнок. Или дрессированная собака.

— Во сколько сегодня приём? — спросила Валерия.

— В четыре, — ответил Дмитрий. — Но я сам её отвезу.

— У тебя же встреча с владельцами в три.

— Перенесу.

— В прошлый раз ты тоже переносил.

— Лер, я разберусь.

Он сказал это негромко, но красное пятно дёрнулось. Валерия резко повернула голову к окну. Теперь я различала линию её плеча и блестящую заколку. Красным оказались губы. Слишком яркие для восьми утра. Я почему-то вспомнила, как однажды попросила её описать себя. Валерия замаялась, а потом сказала: русые волосы, карие глаза, ничего особенного.

Она солгала. Даже сквозь серую пелену было понятно, что особенного в ней много: тонкая шея, длинные волосы, маленькое лицо. Дмитрий всегда любил яркую помаду. Первую подарил мне на третьем свидании и потом обижался, что я почти не крашусь.

— Я могу отвезти Анну, — сказала Валерия уже спокойнее. — Вам незачем опять срывать работу.

— Мне пока ещё есть зачем, — ответил он.

Пока ещё.

Я опустила чашку не сразу, боясь, что рука выдаст. Стук фарфора всё равно получился резким. Дмитрий повернулся ко мне — тёмный силуэт на фоне окна.

— Что?

— Ничего. Кофе горький.

— Добавить молока?

— Не надо.

— Тогда допей и прими таблетки. Я положил рядом.

Пальцы нащупали пластиковый стаканчик. Три круглые таблетки и половинка продолговатой — всё как обычно. Дмитрий раскладывал их сам, потому что однажды я перепутала упаковки. Он не ругал, только высыпал содержимое аптечки на кровать и подписал коробочки рельефными наклейками. В тот вечер я ощупывала выпуклые буквы и думала, что мне невероятно повезло с мужем.

Эта мысль пришла и сейчас. Старая, послушная, до тошноты привычная.

Мне повезло.

Я проглотила таблетки, запила кофе и посмотрела прямо перед собой. Получилось не сразу. Глаза будто забыли, как держать предмет в фокусе: фигуры расплзались, соединялись со стеной, края стола плавали. Но с каждой минутой в комнате становилось больше деталей. Тёмная полоса волос Дмитрия. Светлая ладонь Валерии. Чёрный экран телефона возле его локтя. Тарелка, круглая и ослепительно белая.

— Дим, ты где? — спросила я.

Он замер.

— Здесь.

— Где именно?

— Напротив тебя. А что?

Я смотрела чуть правее его плеча. Значит, пока глаза показывали не совсем то место. Или мозг не умел правильно складывать расстояние.

— Показалось, что ты встал.

— Нет. Сажу.

Под столом что-то шевельнулось. Валерия, кажется, задела его ногой. Дмитрий едва заметно повернул к ней голову. В этом движении не было ничего такого — человек посмотрел на человека. И всё же мне не понравилось, как быстро они оба замолчали.

— Я сегодня хорошо спала, — сказала я, лишь бы разрушить паузу. — Ни разу не проснулась.

— Я знаю, — ответил Дмитрий. — Ты даже будильник не услышала.

— Какой будильник?

— Мой. На семь.

Странно. Последние недели он ночевал в гостевой, потому что я металась во сне и однажды ударила его локтем в лицо. Так он объяснил. Будильник из гостевой я бы не услышала, даже если бы зрение внезапно вернулось вместе со слухом летучей мыши.

— Ты спал у меня? — спросила я.

Дмитрий ответил не сразу.

— Под утро пришёл. Проверить, всё ли нормально.

— И остался?

— Видимо. Уснул рядом.

Он говорил легко. Почти. Если бы не зрение, я бы ничего не заметила. Но теперь видела, как Валерия медленно повернулась к нему, а он поднял ладонь — коротко, успокаивающе, будто просил её не вмешиваться.

Кожу между лопаток неприятно стянуло, хотя на кухне было тепло.

До этой минуты мне казалось, что возвращение зрения будет похоже на включённую лампу: сначала темно, потом раз — и всё на месте. Я увижу лица, обои, пыль на подоконнике, собственные руки. На деле мир возвращался кусками, и каждый новый кусок почему-то делал комнату менее знакомой.

— Анют, тебе нужно собираться, — сказал Дмитрий. — В двенадцать придёт массажист, потом пообедаешь и поедem к врачу. Лера поможет с душем.

— Я сама помоюсь.

— Давай сегодня без экспериментов.

— Я два дня моюсь сама.

— И два дня заливаешь пол.

— Пол переживёт.

— А если упадёшь, не переживёшь ты.

Он раздражался. Не сильно, но я услышала знакомую жёсткость, появившуюся примерно на пятой неделе после аварии. Сначала Дмитрий боялся даже повышать голос. Потом понял, что слепота не делает меня хрупкой вазой, и начал злиться, когда я спорила, не доедала или пыталась найти вещи без помощи. Я его понимала. По крайней мере, очень старалась. Нельзя требовать бесконечного терпения от человека, который внезапно стал для тебя руками и глазами.

— Хорошо, — сказала я. — Лера поможет.

Валерия снова втянула воздух, на этот раз удивлённо. Обычно мы торговались из-за душа минут десять.

— Тогда я пока уберу со стола.

Она поднялась. Красные губы поплыли вверх, светлая фигура заслонила окно. Я проводила её взглядом и впервые заметила, что на ней не блузка, а тонкий домашний топ на бретелях. Наверное, сверху был кардиган, просто я пока не различала его. Или ей стало жарко у плиты.

Валерия собрала тарелки, подошла к Дмитрию и остановилась рядом. Он продолжал смотреть в телефон. Я видела, как её рука легла на спинку его стула. Длинные красные ногти коснулись воротника.

Тихо. Совсем бесшумно.

Она сняла с его плеча что-то невидимое — крошку, волос, нитку. Дмитрий перехватил её запястье. Не грубо. Большой палец медленно прошёлся по внутренней стороне ладони.

Овсянка подступила к горлу.

Обычный жест. Может быть. Благодарность. Тепло между людьми, которые вместе тащили на себе беспомощную женщину. Я могла неправильно видеть расстояние. Он мог держать не её руку, а салфетку. Серое пятно могло быть чем угодно.

Валерия наклонилась.

Красное приблизилось к лицу Дмитрия и исчезло.

На кухне работал холодильник. Во дворе грузовик сдавал назад, размеренно пишал. Кто-то этажом выше уронил на пол тяжёлую вещь. Я слышала всё это и не слышала их — ни шороха одежды, ни дыхания, ни поцелуя.

Потому что они научились делать это без звука.

Дмитрий положил ладонь Валерии на талию. Теперь я видела достаточно хорошо, чтобы не придумывать салфетку. Он притянул её ближе и снова поцеловал — неторопливо, при-

вычно. Так не целуют женщину, к которой случайно потянуло на кухне. Так целуют ту, чьё тело давно знаешь и возле которой не нужно спрашивать разрешения.

Я сидела в двух шагах.

С открытыми глазами.

Пальцы сами нашли чашку и стиснули её так сильно, что горячий край впился в кожу. Передо мной плыло белое окно, тёмная спина мужа и красные губы женщины, которая через час должна была помочь мне раздеться.

Они были уверены, что я ничего не вижу.

До сегодняшнего утра так и было.

Глава 2

Первой отстранилась Валерия.

Красное пятно метнулось в сторону, светлая рука соскользнула с плеча Дмитрия. Он ещё секунду сидел неподвижно, будто прислушивался к тишине после поцелуя, потом взял телефон. Экран вспыхнул в ладони холодным белым прямоугольником.

— Ну что, пойдём в душ? — спросила Валерия.

Голос у неё был обычный. Таким она напоминала про капли или спрашивала, не положить ли в кашу банан. Если бы я всё ещё не видела, то решила бы, что эти несколько секунд Валерия молча стояла возле стола. На это они и рассчитывали. Слепому человеку можно не объяснять, почему ты внезапно перестала дышать.

Я разжала пальцы. На чашке остались бледные следы, кожа возле ногтей горела.

— Пойдёмте.

— Дай ей сначала посидеть, — сказал Дмитрий. — Ань, голова не кружится?

Он подошёл. Лицо по-прежнему не складывалось: тёмные провалы глаз, прямая линия носа, рот, на котором секунду назад была чужая помада. Я смотрела чуть ниже подбородка и думала, что пять лет целовала эти губы, не зная, как легко они научатся молчать.

— Не кружится.

— Ты бледная.

— Ты уже два месяца говоришь, что я бледная.

— Потому что ты два месяца бледная.

Дмитрий провёл ладонью по моей щеке. Большой палец задержался возле губ — так же, как перед поцелуем с Валерией скользнул по её запястью. Я считала, что у него есть прикосновения, принадлежащие только мне. Оказалось, он просто не любит придумывать новые.

— Я спущусь к машине минут за двадцать до выезда, — сказал он. — Проверю, не перекрыли ли двор. Лер, собери документы и лекарства.

— Я помню.

— И тёмные очки.

— Дима, я помню.

Она произнесла его имя привычно, и он не поправил. Валерия давно ездила с ним на встречи, знала его расписание и могла позвонить в любое время суток. Конечно, они понимали друг друга с полуслова. Конечно, целовались на моей кухне.

Слово «конечно» вообще удивительно удобное. Им можно объяснить любую мерзость, если повторить достаточно раз.

Дмитрий поцеловал меня в висок. Я не отстранилась. Только повернула голову так, чтобы он попал ближе к волосам, и услышала короткое недовольное движение воздуха.

— Что?

— Щекотно.

— Собирайся, — повторил он мягче и ушёл.

Я видела, как тёмная фигура пересекла кухню, задела плечом свет от окна и исчезла в коридоре. Через несколько секунд закрылась дверь кабинета. Валерия подождала ещё немного, потом взяла меня под локоть.

— Вставайте. Только медленно.

Её пальцы легли точно на то место, где уже проступал синяк от столешницы. Я дёрнулась.

— Больно?

— Нет. Холодные руки.

— Сейчас согреются.

От этой фразы овсянка опять подступила к горлу.

До ванной было семнадцать шагов: четыре до двери, шесть по коридору, поворот, ещё семь. Сегодня понадобилось девятнадцать — я увидела край стены не там, где он находился, и едва не врезалась в косяк. Валерия удержала меня. От её волос пахнуло тем же терпким запахом, который ещё стоял на кухне.

— Осторожнее. Вы куда?

— Туда, где раньше была дверь.

— Она никуда не делась.

— Очень утешает.

Валерия хорошо переносила мою злость. Не спорила, не напоминала, сколько раз за день поднимает с пола мои вещи. Теперь стало понятно почему: гораздо легче ухаживать за больной женой мужчины, если уже примеряешь её место.

В ванной горел яркий свет. Он ударил по глазам, и мир снова распался на белые полосы. Я зажмурилась, вцепившись в край раковины.

— Выключите верхний.

— Темно будет.

— Мне всё равно.

Выключатель щёлкнул. Осталась тёплая подсветка возле зеркала. Проступили прямоугольники шкафчиков, овальное пятно раковины, тёмный дверной проём. Когда-то я могла снять здесь рекламный кадр за десять минут: поймать отражение в хrome, убрать из света лишнюю желтизну. Сейчас собственная ванная собиралась передо мной хуже дешёвой фотографии, испорченной шумом.

Валерия повернулась к полотенцам. Тонкая, чуть выше меня, волосы почти до талии. Никакого кардигана: только домашний топ и мягкие брюки, в которых не приезжают к работодателю к семи утра. Одна ляжка перекрутилась, словно топ надевали торопливо.

Возможно, она переделалась у нас, испачкав блузку. Возможно, всегда носила с собой домашний комплект на случай, если слепая жена начальника потребует круглосуточного призора.

Конечно.

— Поднимите руки, — сказала Валерия.

Она взялась за край моей футболки. Я успела отшатнуться.

— Я сама сниму.

— Хорошо. Давайте я только расстегну бюстгальтер.

— Его тоже сама.

— Анна, мы же это уже проходили.

— Что именно?

— Вы вчера потянули плечо.

Я нащупала застёжку и промахнулась. В зеркале лицо Валерии плыло над моим плечом светлым овалом, а красные губы были видны почти отчётливо. Помада тонкой полосой ушла к щеке.

Хотелось вежливо заметить: «Лера, у вас помада после моего мужа размазалась». Потом попросить ватный диск и посмотреть, как быстро с её лица исчезнет уверенность.

Вместо этого я снова потянула застёжку не в ту сторону.

— Давайте, — вздохнула она и убрала мои руки.

Крючки разошлись под её пальцами. Валерия стянула бретели, помогла переступить через одежду, проверила воду. Я позволила ей. Стояла обнажённая перед женщиной, которую только что целовал мой муж, и впервые после аварии смотрела в зеркало на собственное тело.

Оно оказалось тоньше, чем я помнила. Торчащие ключицы, старый синяк на боку, белая полоска шрама на животе. Лица я почти не видела, и это было хорошо. На сегодня хватало чужих лиц.

— В ванну не вставайте, я подам руку.

— Я знаю, где край.

— В прошлый раз вы тоже знали.

Она улыбнулась. Красное чуть растянулось, показывая зубы. Не зло, не насмешливо. Почти ласково. Так улыбаются капризному человеку, которого нельзя оставить одного.

Я нарочно задела носком бортик и позволила Валерии подхватить меня. Ради своего секрета придётся оставаться беспомощной: ошибаться возле дверей, шарить рукой мимо чашек, давать любовнице мужа мыть мне спину. Я сделаю и не такое, лишь бы они считали меня без-опасной.

Вода хлынула на плечи. Валерия намочила губку, выдавила гель.

— Оставьте меня одну, — сказала я.

— Дмитрий просил помочь.

— А я прошу оставить.

— Если упадёте, он спросит с меня.

— Удобно. Значит, можно делать всё, о чём просит Дмитрий, и не слушать женщину, которую вы раздеваете.

Её рука замерла у моей лопатки. В зеркале красный рот стал тоньше.

— Я пытаюсь вам помочь.

— Знаю. Вы очень стараетесь.

Валерия положила губку на край ванны. Несколько капель упали на пол.

— Я буду за дверью. Не запирайтесь.

Она вышла, оставив щель. Не закрыла дверь до конца, конечно. Мне давно не полагались закрытые двери.

Я дождалась, пока шаги отдалятся, и повернулась к зеркалу. Сквозь пар отражение больше не пугало. Женщина напротив повторила за мной движение с коротким опозданием — или мне показалось. На красном флаконе возле раковины я впервые за одиннадцать недель прочитала одну крупную белую букву.

Не слово. Всего одну букву.

Этого хватило, чтобы я прижала мокрую ладонь ко рту и бесшумно заплакала.

По дороге в клинику Дмитрий держал меня за колено.

Раньше я любила этот жест. После аварии ладонь стала лежать на колене чаще, будто я могла выпасть из закрытой машины, если он перестанет контролировать хотя бы одну часть моего тела.

Сегодня под его пальцами было жарко.

— Не тошнит? — спросил он.

— Нет.

— Голова?

— На месте.

— Аня.

— Немного болит.

За окном проплывали пятна машин. Красные стоп-сигналы вспыхивали в серой каше и тянулись длинными нитями. Я повернулась к Дмитрию, чтобы он не заметил, что смотрю наружу.

— Лера вечером поедет домой? — спросила я.

Его пальцы на моём колене чуть раздвинулись.

— Не знаю. А что?

— Просто спросила.

— Если хочешь, останется. Мне после семи нужно в офис, а одну тебя я не оставляю.

— Она часто остаётся?

— Когда нужно.

Ответ был готов слишком быстро. Я кивнула и отвернулась к окну.

— Тебе с ней тяжело? — спросил Дмитрий через несколько секунд. — Она что-то сказала?

— Нет. Лера очень терпеливая.

— Вот именно. Я не понимаю, почему ты постоянно на неё срываешься.

— Наверное, потому что она застёгивает мне бюстгальтер.

Он убрал руку с моего колена и перестроился в соседний ряд. Машина дёрнулась, ремень врезался в грудь.

— Это временно.

— Что именно?

— Всё это.

Он будто не хотел перечислять: моя слепота, наше раздражение, чужая женщина в ванной, его рука у неё на талии. Какое из этих неудобств он собирался устранить первым?

В клинике пахло кофе и жидкостью для мытья пола. Дмитрий забрал документы в регистратуре и повёл меня по коридору. Светлые стены, тёмные двери, люди, превращавшиеся при движении в длинные тени. Возле кабинета Кирилла стоял фикус, о котором раньше я знала только потому, что однажды задела тростью горшок.

— Красивый? — спросила я.

— Кто?

— Фикус.

Дмитрий остановился.

Я почувствовала его взгляд, хотя лица не разобрала.

— Тебе медсестра рассказывала, — добавила я. — В прошлый раз.

— А. Наверное. Обычный.

На пороге появился Кирилл Арсеньев — светлая рубашка с закатанными рукавами, серебристая полоса у виска. Лица я не видела, но узнала его по голосу.

— Добрый день, Анна. Дмитрий.

Он не спрашивал, как у меня дела, и за это я любила его немного больше остальных врачей. На такое «как вы?» полагалось ответить «лучше», после чего все радовались слову и не замечали, что тыходишь в кабинет, держась за стену.

Кирилл усадил меня напротив стола. Дмитрий поставил сумку у моих ног и сел рядом.

— Сегодня начнём без сопровождающего, — сказал врач.

— Я обычно остаюсь, — возразил Дмитрий.

— Обычно — да. Но часть тестов лучше проводить без подсказок, даже случайных.

— Я не подсказываю.

— Вы трижды сказали ей, куда повернуть голову, на прошлом приёме.

— Потому что она не понимала.

— Вот это я и проверяю.

Они помолчали. Дмитрий не любил, когда ему объясняли правила в присутствии других. Я знала, как сейчас напряглась складка возле его рта, как он положил ногу на ногу и взялся за часы.

— Я позову, если понадобится, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Уверена?

— Это обследование, Дим. Я справлюсь.

Дмитрий поднялся. Наклонился, поцеловал меня в макушку и задержал ладонь на плече.

— Я за дверью.

— Хорошо.

Он вышел не сразу, но всё-таки закрыл дверь. Кирилл подождал, пока шаги стихнут.

— Что изменилось? — спросил он.

— Ничего.

— Анна.

— А что должно было?

Он не ответил. Взял со стола фонарик и, не включая, медленно провёл им справа налево.

Я успела заметить движение и дёрнула глазами следом.

Кирилл положил фонарик обратно.

— Давно? — спросил он.

Я сжала руки на коленях.

— Не понимаю.

— Понимаете. Вы проводили взглядом предмет, который не издавал звука.

За дверью кто-то прошёл по коридору. Каблуки простучали до конца, затихли, и только тогда я позволила себе посмотреть прямо на врача.

— Сегодня утром.

Кирилл не вскочил, не улыбнулся и не произнёс, что это чудо. Просто подался вперёд, поставил локти на стол.

— Сразу много или постепенно?

— Сначала красное. Потом окно, стол, люди. Сейчас вижу крупные предметы, движение.

Лица почти нет. Всё расплывается, если долго смотрю.

— Головная боль усилилась?

— Немного. Свет режет.

— Двоится?

— Не знаю. Иногда предмет как будто находится не там, где я его вижу.

Он приглушил свет и пересадил меня к прибору. Я различила красную крышку, не увидела синюю, насчитала три пальца вместо двух и не поняла, куда движется полосатая карточка. Кирилл просил коснуться белого круга; я промахнулась на ладонь вправо.

— Плохо? — спросила я.

— После одиннадцати недель отсутствия предметного зрения вы спрашиваете, плохо ли то, что нашли красную крышку с трёх метров?

— Да.

— Тогда плохо только ваше терпение.

В голосе мелькнула улыбка — не утешение, а почти насмешка. Я выдохнула и опустила плечи.

— Зрение может снова исчезнуть?

— Может ухудшаться от усталости, света, перегрузки. Может завтра быть слабее, чем сегодня. Но то, что мы сейчас получили, — не вспышки и не остаточные феномены. Мозг снова обрабатывает зрительную информацию. Пока неровно.

— А нормально я буду видеть?

Кирилл отодвинул прибор.

— Я не знаю.

Честный ответ оказался легче очередного осторожного обещания. Я провела пальцами по переносице.

— Мужу не говорите.

Кирилл замер. Тёмная фигура на фоне светлого шкафа, руки на столе, серое у виска. Он не стал переспрашивать.

— Без вашего согласия я не буду обсуждать результаты даже с мужем, — сказал он. — Но в карте напишу то, что увидел. Подделывать запись не буду.

— Я не прошу подделывать.

— Пока ещё нет.

— И не попрошу.

Он отодвинул прибор и сел напротив.

— Почему Дмитрий не должен знать?

За дверью муж, вероятно, листал телефон. Может быть, Валерия уже написала, что я была странной в ванной, а он ответил красным сердечком.

— Первое, что я увидела, — как он целует Валерию.

Кирилл медленно снял очки. Я только сейчас поняла, что на нём были очки: лицо сразу стало другим пятном.

— Сегодня?

— За завтраком. В двух шагах от меня.

— Они знают, что вы видите?

— Нет.

— Вы уверены?

— Валерия только что мыла меня в душе. Думаю, если бы она знала, утро сложилось бы иначе.

Он не изобразил сочувствия, не сказал, что всё может оказаться не так, и не предложил спокойно поговорить с мужем. За это я была ему благодарна.

— Дома вы в безопасности? — спросил Кирилл.

— Дмитрий меня не бьёт.

— Я спросил не об этом.

— А о чём?

— Может ли он не выпустить вас из квартиры, забрать телефон, документы, деньги? Вы сейчас зависите от него физически. Если он поймёт, что вы знаете, что произойдёт?

Дмитрий никогда не запирали меня и не отбирал телефон. После аварии он просто сам отвечал на звонки, хранил документы, оплачивал счета, решал, когда мне мыться и с кем оставаться. Всё было разумно. Всё было ради меня.

— Не знаю, — сказала я.

Кирилл кивнул, будто именно этого ответа и ждал.

— Тогда сегодня ничего не меняйте. Не проверяйте их, не задавайте вопросов, не пытайтесь поймать ещё раз. Вам нужен человек вне дома и доступ к собственным документам. Потом будете решать, что делать с мужем.

— Вы всем пациентам даёте советы по разводу?

— Только тем, кто начинает видеть в неудачный момент.

Я усмехнулась, хотя смеяться не хотелось.

— Дмитрий спросит о результатах.

— Я скажу, что обсудил их с вами.

— Он разозлится.

— На меня?

— На всех. Но на вас сильнее.

— Переживу.

За дверью остановились шаги. Ручка не опустилась — Дмитрий ждал, пока позовут. Мой внимательный, терпеливый муж.

— Как долго я смогу скрывать? — спросила я шёпотом.

Кирилл посмотрел на дверь, потом на меня.

— От человека, который за вами наблюдает, — недолго.

— А от Дмитрия?

Он помолчал.

— Это зависит от того, смотрит ли он вообще на вас.

Глава 3

Кирилл открыл дверь сам.

Дмитрий стоял в коридоре, держа телефон возле груди. Белый экран погас, когда он убрал руку в карман. За его спиной прошла медсестра в синем костюме, и на несколько секунд тёмная фигура мужа раздвоилась, смешалась с её силуэтом. Я моргнула, но лишний человек исчез не сразу.

— Закончили? — спросил Дмитрий.

— На сегодня да, — ответил Кирилл.

Муж вошёл, прикрыл дверь и посмотрел сначала на меня, потом на врача. Я сидела возле прибора, не успев вернуться к стулу. Наверное, это уже было подозрительно: обычно после обследования меня оставляли там, куда посадили, и звали Дмитрия, чтобы он помог встать.

Я протянула руку мимо края стола.

— Дим?

Он сразу подошёл. Подхватил под локоть, придвинул стул ногой.

— Здесь. Медленнее.

Я позволила ему усадить себя и положила ладони на колени. Кирилл наблюдал. Не за тем, как муж поправляет мне рукав и проверяет, не зацепилась ли трость за ножку стола, а за моими глазами. Пришлось смотреть на светлое пятно шкафа у его плеча.

— Есть изменения? — спросил Дмитрий.

— Результаты я обсудил с Анной.

— Я понял. И что?

Кирилл сел за стол и закрыл карту. Папка хлопнула негромко, но Дмитрий убрал ладонь с моего плеча.

— Следующий приём через неделю. До этого — прежний режим, без яркого света и переутомления.

— Кирилл, я спрашиваю о динамике.

— А я отвечаю, что медицинские сведения обсуждаются с пациентом.

Они называли друг друга по именам с первой встречи, однако сейчас это прозвучало не дружелюбно. Дмитрий выпрямился. Я видела, как тёмные плечи стали шире, будто рубашка внезапно оказалась тесной.

— Я её муж.

— Я помню.

— Я вожу её на каждый приём, слежу за лекарствами, разговариваю с реабилитологом. Анна может не запомнить половину рекомендаций.

— Тогда она попросит вас помочь.

— До сих пор просила.

— Сегодня не попросила.

Я провела ногтем по шву брюк. Хотелось остановить их, пока Дмитрий не понял, что изменилось не только в правилах приёма. Но остановить — значило снова позволить ему ответить за меня. Одиннадцать недель я слушала, как врачи обращаются к мужу, хотя зрение потепрела я. Сначала это было удобно. Потом привычно. Под конец меня начинали обсуждать ещё до того, как дверь кабинета успевала закрыться.

— Всё по-прежнему, — сказала я. — Я вижу свет. Иногда пятна. Ничего нового.

Кирилл не шевельнулся.

Дмитрий повернулся ко мне. Его лицо плыло на фоне стены, но я различила, как он наклонил голову — присматривался.

— Почему тогда он не мог сказать это мне?

— Потому что я попросила сначала говорить со мной.

— Зачем?

— Хотела хоть раз узнать о себе первой.

Несколько секунд он молчал. Потом накрыл мою руку и сжал пальцы сильнее, чем требовалось.

— Хорошо. Если тебе так спокойнее.

Спокойнее мне не стало. Зато я впервые увидела, как Дмитрий уступает не потому, что согласен, а потому, что рядом чужой мужчина.

Кирилл протянул мне карточку следующего приёма. Я взяла её сама, на этот раз не промахнулась. Дмитрий заметил. Его пальцы дрогнули поверх моих.

— Удобно положил, — объяснила я.

— Если что-то изменится, звоните в клинику сами, — сказал Кирилл. — Номер на карточке.

— Она не пользуется телефоном без голосового управления, — отозвался Дмитрий.

— Пользуюсь, — сказала я. — Просто медленно.

Кирилл посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно. Или мне показалось; лица всё ещё оставались пятнами, и выражения приходилось достраивать по голосам.

— Медленно вполне подходит, — сказал он.

В коридоре Дмитрий шёл быстрее обычного. Не тащил меня, но его локоть был напряжён, шаги получались короткими и резкими. Возле лифта он нажал кнопку дважды, хотя та уже горела.

— Что это было? — спросил он.

— Лифт не едет.

— Я про Арсеньева.

— Врачебная тайна.

— Очень смешно.

Двери разъехались. Я увидела в металлической стене два размытых отражения: тёмное высокое и маленькое серое рядом. Дмитрий завёл меня внутрь, развернул лицом к выходу и нажал первый этаж.

— Ты жаловалась ему на меня?

— На что именно?

Он повёл плечом. В зеркале движение получилось слишком большим, как у человека под водой.

— Не знаю. Что я давя, контролирую, не даю тебе самой принимать решения. Он будто заранее решил, что я здесь лишний.

— Может, он просто хотел меня обследовать.

— Раньше я не мешал.

— Раньше я молчала.

Лифт дёрнулся на третьем этаже. Дмитрий повернулся ко мне, и мне пришлось смотреть чуть мимо его лица.

— А сейчас, значит, заговорила?

— Представляешь.

Угол его рта шевельнулся. Он почти улыбнулся — моей старой интонации, короткой грубости, которая раньше ему нравилась. Потом снова стал серьёзным.

— Ты точно сказала мне всё?

— О зрении?

— О чём ещё?

— Не знаю. Ты сам спросил, жаловалась ли я.

Двери открылись. Дмитрий вывел меня в холл, так и не ответив. На улице надел на меня тёмные очки, застегнул куртку до подбородка и поцеловал в лоб. Со стороны мы, наверное, выглядели трогательно: уставший муж, больная жена, забота в каждом движении. Я много лет снимала рекламу и знала, сколько проводов, скотча и некрасивого мусора прячется за безупречным кадром.

Домой мы вернулись около шести. Валерия открыла дверь раньше, чем Дмитрий достал ключи. На ней уже были джинсы и светлая рубашка, волосы собраны. Домашний топ исчез так аккуратно, словно я выдумала его вместе с красными губами и чужой рукой на талии мужа.

— Ну как? — спросила она.

Вопрос предназначался Дмитрию. Я вошла первой, сложила трость и нащупала край тумбы.

— Без изменений, — сказала я.

Валерия подошла снять с меня очки. Когда красная оправа оказалась у неё в руке, плечи едва заметно опустились. Она выдохнула через нос, совсем тихо.

Облегчение.

— Не расстраивайтесь, — сказала она. — Одиннадцать недель — это ещё не срок.

— Конечно.

Дмитрий задержался в прихожей, отвечая на звонок. Я видела его тёмный силуэт возле двери и слушала, как голос меняется на рабочий: становится короче, суше, без бесконечных «Ань» и «осторожно». Валерия повесила мою куртку, поправила воротник его пальто, хотя он ещё не снял его. Дмитрий не прервал разговор. Только чуть поднял подбородок, чтобы ей было удобнее.

Теперь я замечала всё. Наверное, часть жестов ничего не значила. Но человек, однажды обнаруживший таракана в сахарнице, уже не считает чёрную крошку просто крошкой.

— Я поеду в офис, — сказал Дмитрий, закончив звонок. — Вернусь поздно.

— Ты же перенёс встречу, — напомнила Валерия.

— Они дождались.

— Я могу подготовить документы удалённо.

— Останься с Аней.

Он сказал это слишком быстро. Валерия поджала губы, но спорить не стала. Дмитрий подошёл ко мне, взял лицо в ладони. Я почувствовала на коже холод с улицы и запах его крема после бритья.

— Ложись пораньше. Телефон рядом держи.

— Мой или твой?

— Что?

— Ничего. Буду держать.

Он поцеловал меня. Я не отвернулась. Считала про себя: раз, два. На третьей секунде Дмитрий сам отстранился, погладил по волосам и ушёл. Валерия закрыла дверь, повернула замок, проверила ручку.

— Поужинаете сейчас или позже?

— Позже. Голова болит.

— Дать таблетку?

— У меня в спальне есть.

— Я принесу.

— Лера, я дойду до собственной спальни.

Она посмотрела на меня. Я не могла разобрать выражение, только красное пятно рта и тёмную линию бровей.

— Хорошо. Я буду на кухне.

В спальне я закрыла дверь. Не заперла — замок Дмитрий снял после того, как я однажды не услышала стук и он решил, что мне стало плохо. Просто закрыла и впервые за день осталась одна.

Телефон лежал на тумбочке. Я нашла его не сразу, хотя видела чёрный прямоугольник: протянула руку правее и задела стакан с водой. Успела поймать. Экран узнал лицо только с третьей попытки, потом попросил код. Шесть цифр я помнила. Их пока никто не мог забрать.

Я включила голосовое управление и попросила увеличить текст. Буквы стали огромными, но всё равно расплзались, если читала дольше пары секунд. Среди непрослушанных сообщений были клиника, доставка, массажист и несколько рабочих чатов, замолчавших через неделю после аварии. Последнее личное сообщение пришло от Дмитрия утром: «Не забудь таблетки». Даже здесь он продолжал быть моим расписанием.

Я открыла банковское приложение. Пароль подошёл, но вместо счетов появилось уведомление: «Сессия истекла. Для подтверждения личности приготовьте паспорт». Ниже лежала кнопка, которую я не могла прочитать. Голосовой помощник произнёс слова дважды, спокойно и безжалостно.

С документом.

Паспорт хранился у Дмитрия. После выписки он сложил все бумаги в серую папку и перенёс в кабинет, чтобы я ничего не потеряла. Я тогда спорила минут пять, потом устала и согласилась. Разумная мера. Ещё одна.

За дверью звякнула посуда. Валерия включила воду на кухне.

Я сунула телефон в карман кардигана, открыла спальню и вышла в коридор. До кабинета было девять шагов, если не задеть пуф. Я шла медленно, касаясь пальцами стены, и впервые использовала слепоту не как препятствие, а как прикрытие: если Валерия выглянет, увидит привычную Анну, которая опять заблудилась в собственной квартире.

Дверь кабинета оказалась приоткрыта. Дмитрий обычно закрывал её, даже когда уходил ненадолго. Возможно, торопился. Возможно, Валерия уже заходила туда после нашего отъезда.

Я скользнула внутрь и прикрыла дверь, оставив щель.

Комната была темнее коридора. Стол проступал прямоугольным пятном, за ним серело окно. На стене висели мои фотографии: я знала каждую, хотя сейчас видела только рамки. Дмитрий выбрал их сам и сказал, что хочет гордиться женой даже во время работы. Три месяца назад это казалось любовью. Теперь — удачно подобранным оформлением кабинета.

Серая папка лежала в нижнем ящике справа. Я присела, потянула ручку и промахнулась. Пальцы ударились о дерево. Со второй попытки ящик выдвинулся.

Внутри оказалось несколько папок. Цвет я различала плохо, поэтому перебирала их на ощупь, ища широкую резинку. Нашла. Сверху выпукло блестел герб паспорта. Под ним лежали медицинские выписки, страховой полис, банковская карта, свидетельство о браке. Вся моя официальная жизнь занимала три сантиметра между договорами Дмитрия.

Я забрала паспорт и карту. Папку вернула, стараясь положить точно так же. Ящик закрылся громче, чем ожидала.

В кухне перестала течь вода.

— Анна? — позвала Валерия.

Я выпрямилась слишком быстро. Комната качнулась, перед глазами поплыли белые искры. Пришлось схватиться за стол. Паспорт упёрся твёрдым углом в живот под кардиганом.

— Я здесь.

Шаги приблизились. Валерия открыла дверь и замерла в проёме.

— Что вы делаете в кабинете?

— Ищу Дмитрия.

— Он уехал.

— Уже?

Я нарочно повернула голову в сторону окна, не к ней. Валерия не ответила сразу. Её фигура заслонила свет, красный рот оказался тёмным.

— Вы слышали, как закрылась дверь.

— Я слышала дверь. Думала, он вернулся за документами.

— Почему?

— Потому что это его кабинет. Обычно люди заходят сюда за документами.

Она сделала шаг внутрь. Я убрала руку со стола и заставила себя не смотреть, куда она смотрит: на ящик, на мой карман или просто на женщину, которую пора отвести обратно в кровать.

— Вам нужно лечь, — сказала Валерия. — Вы бледная.

— Сегодня у всех одна тема.

— Я помогу.

Она взяла меня под локоть. Я позволила вывести себя из кабинета, по дороге задела плечом косяк — не нарочно, зрение опять поплыло. Валерия проводила до спальни и уложила на кровать, подоткнула плед, положила телефон рядом.

— Отдыхайте. Я приготовлю суп.

— Лера.

Она обернулась.

— Вы давно любите мою кухню?

Красное пятно не шевельнулось.

— Не понимаю.

— Вы всё здесь знаете. Где посуда, специи, документы Дмитрия. Наверное, давно привыкли.

— Я работаю у него почти четыре года.

— Конечно.

Валерия вышла и на этот раз закрыла дверь плотнее. Я дождалась, пока за стеной снова зазвенит посуда, достала паспорт и карту. В шкафу, под старыми свитерами, стояла сумка с фотоаппаратурой. После аварии к ней никто не прикасался. Дмитрий однажды предложил убрать оборудование на склад, но я устроила такую истерику, что он отступил.

Я спрятала документы во внутренний карман для карт памяти. Среди пустых пластиковых коробочек и запасных аккумуляторов они выглядели почти естественно.

Это было немного. Паспорт, банковская карта с заблокированным доступом и номер клиники на куске картона.

Но впервые после аварии у меня появилось что-то, о чём Дмитрий не знал.

Я проснулась от его голоса.

В комнате было темно, только под дверью лежала узкая полоска света. Телефон показывал без двадцати двенадцать. Я различила крупные цифры, и от этой маленькой победы стало так больно, что пришлось стиснуть зубы.

Дмитрий говорил на кухне. Валерия отвечала тише, поэтому сначала я слышала только отдельные слова. Потом села, опустила ноги на пол и подошла к двери. Не открыла. Прислонилась лбом к прохладному дереву.

— ...опять ничего не сказал, — произнесла Валерия.

— Когда я должен был сказать? В машине после клиники?

— Ты обещал поговорить с ней после приёма.

— Я обещал, если будут улучшения.

— А улучшений нет. И сколько теперь?

Звякнул стакан. Дмитрий что-то налил, поставил бутылку на стол.

— Не начинай.

— Я не начинаю, Дима. Я заканчиваю. Я больше не могу приходить сюда, готовить ей кашу, мыть её, укладывать спать, а потом делать вид, что мне достаточно пяти минут на кухне.

— Тише.

— Она спит.

— Именно поэтому не ори.

Я приоткрыла дверь на ширину пальца. Коридор поплыл, но в конце виднелась кухня: белое окно, тёмная спина Дмитрия, красное пятно возле его лица. Они стояли близко. Валерия держала руки скрещёнными, Дмитрий опирался на стол.

— Ты сам просил меня помочь после аварии, — сказала она. — Сказал, это ненадолго.

— Я не знал, что восстановление затянется.

— А до аварии что мешало? Её съёмки? Твоя компания? Неподходящий месяц? Ты всегда находил причину.

Дмитрий выпрямился.

— Мы это обсуждали.

— Нет. Ты говорил, я слушала. Это не обсуждение.

Он шагнул к ней. Красное пятно исчезло возле его плеча. Я уже знала, что это значит.

— Я не брошу Аню сейчас, — сказал Дмитрий. — Даже ты должна это понимать.

— Я понимаю. Ты хороший муж. Особенно когда никто не видит, как ты целуешь другую.

— Лера.

— Что? Неприятно слышать?

Она отступила, и красное появилось снова. На этот раз я различила подбородок, светлую щёку, блеск серёжки. Зрение возвращало мне женщину, которую муж скрывал от меня годами.

— Я дождусь, пока она станет самостоятельнее, — сказал Дмитрий. — Потом решим.

— «Потом» было ещё до аварии.

— Не надо.

— Почему? Боишься, она услышит?

Дмитрий повернул голову к коридору. Я успела закрыть дверь и отшатнуться. Сердце било в горле так громко, что он, казалось, должен был услышать через стену. Я добралась до кровати, легла и натянула одеяло до подбородка.

Шагов не было.

На кухне долго молчали. Потом Валерия заговорила — уже совсем тихо, но в ночной квартире каждое слово дошло до меня без труда.

— Я жду тебя два года, Дима. Не два месяца после аварии. Два года.

Глава 4

Два года.

Я повторила про себя, стараясь понять, сколько это на самом деле. Не цифрой — цифра была короткой и почти безобидной, — а двумя моими днями рождения. Его сорокалетием в ресторане, где Валерия сидела через три стула от меня. Поездкой в Сочи, откуда муж привёз шёлковый платок и рассказывал, что ненавидит гостиничные подушки. Всеми ночами, когда он ложился рядом, пахнувший чужим мылом, а я принимала этот запах за гостиницу, офисный туалет, такси — за что угодно, кроме женщины.

На кухне Дмитрий сказал что-то совсем тихо. Валерия ответила громче:

— Нет, сегодня я не останусь.

— Сейчас почти полночь.

— Я умею вызывать такси.

— Лера, прекрати устраивать спектакль.

— Спектакль устраиваешь ты. Я просто устала играть сиделку.

Задвинули стул. Каблуки быстро прошли по коридору, на секунду остановились возле моей двери. Я лежала неподвижно, хотя всё тело приготовилось к тому, что ручка опустится. Валерия не вошла. В прихожей зашуршала одежда, щёлкнул замок, и входная дверь хлопнула так, что в шкафу звякнули плечики.

Дмитрий не пошёл за ней.

Несколько минут он оставался на кухне. Налил ещё, потом включил воду. Делал всё неторопливо: вокруг могли срываться сроки и трескаться декорации, а Дима сначала вытирал стол и только потом решал, кого спасать. Наверное, поэтому два года помещались в нашей квартире так аккуратно. Ни одной серьги, ни одного сообщения. Чужая женщина мыла меня в душе, а муж всё равно сумел оставить кухню чистой.

Дверь спальни открылась без стука. Я закрыла глаза.

Дмитрий постоял на пороге, затем подошёл к кровати. Матрас прогнулся возле моего бедра. От него пахло вином, водой из-под крана и ванилью, хотя Валерия ушла несколько минут назад. Он коснулся моей щеки тыльной стороной пальцев, убрал прядь волос.

— Не спишь? — спросил он.

Я выждала ещё немного, будто возвращалась откуда-то издалека.

— Уже нет.

— Прости. Мы разбудили?

— Кто — мы?

Его рука замерла возле моего виска, потом легла на подушку.

— Я разговаривал по телефону.

— С кем?

— По работе.

Он лгал без запинки, но слишком быстро. Раньше я считала это признаком хорошей памяти: Дмитрий никогда не путался в датах, именах и обещаниях. Теперь поняла, что память ему требовалась не только для работы.

— А Лера уехала? — спросила я.

— Уехала. У неё разболелась голова.

— Наверное, от моей каши.

Дмитрий коротко выдохнул, почти рассмеялся, и лёг рядом поверх одеяла. Его ладонь нашла мою руку, пальцы привычно переплелись с моими. Я знала каждый сустав, маленький шрам у большого пальца, ноготь на мизинце, который он сломал прошлой зимой. Тело не умело

разлюбить по команде. Оно узнавало мужа раньше, чем я успевала вспомнить красное пятно возле его лица.

— Вы поссорились? — спросила я.

— С чего ты взяла?

— Она хлопнула дверью.

— Лера устала. Последние месяцы всем тяжело.

Всем. Как удобно мы ослепли втроём.

Он провёл большим пальцем по моей ладони, и я заставила руку остаться мягкой.

— Дим, а если зрение не вернётся?

— Вернётся.

— Кирилл этого не обещает.

— Врачи вообще ничего не обещают. Так безопаснее.

— А ты?

— Что я?

— Что будешь делать, если через полгода всё останется как сейчас?

Дмитрий повернул голову. В темноте я почти не видела его лица, только серое пятно кожи на подушке, зато почувствовала, как пальцы сжали мою руку сильнее.

— Будем лечиться дальше.

— Год?

— Сколько понадобится.

— А жить когда?

— Ань, мы и живём.

Я хотела спросить, кого он имеет в виду под этим «мы». Хотела повернуться, открыть глаза и посмотреть прямо на него — уже не мимо, не в стену, — чтобы хоть раз увидеть, как ложь появляется на лице. Но зрение было моим единственным преимуществом, и я не собиралась тратить его на красивый жест.

— Иногда мне кажется, что ты ждёшь, когда я стану прежней, — сказала я. — А потом решишь, нужна ли тебе такая жизнь.

Дмитрий сел. Его фигура закрыла свет из коридора.

— Что за ерунда?

— Обычная ночная жалость к себе. Не обращай внимания.

— Это Арсеньев тебе наговорил?

— Кирилл говорил о зрении.

— Ты называешь его Кириллом.

— Ты называешь Леру Лерой.

Несколько секунд Дмитрий молчал. Потом наклонился, поцеловал меня в лоб и поправил одеяло до самого подбородка, словно разговор закончился не потому, что мы оба испугались следующего вопроса, а потому, что больной жене пора спать.

— Я никуда не уйду, — сказал он. — Даже не думай об этом.

Конечно.

Он не уйдёт, пока я не смогу дойти до двери сама.

Утром Дмитрий приготовил завтрак — шестой раз за двенадцать лет брака. На столе стояли два подгоревших тоста, яйца с жидким белком и кофе с плавающими крупинками. Валерия не пришла.

— Она взяла выходной? — спросила я, ощупывая вилкой тарелку.

— Кто?

— Женщина, которая последние полтора месяца живёт у нас чаще тебя.

Дмитрий поставил чашку. Кофе выплеснулся на блюдо.

— Лера работает удалённо. Ей тоже нужен отдых.

— От меня?

— Не начинай.

— Я ем яйца. Даже для начала скандала это слабовато.

Он вздохнул, пересел ближе и отобрал у меня вилку. Разрезал тост на маленькие квадраты, хотя я не просила, затем вернул тарелку так, чтобы край коснулся моих пальцев.

— Сегодня я постараюсь приехать пораньше. Если что-то понадобится — звони мне, не Лере.

— Она уволилась?

— Нет.

— Тогда почему я не могу ей звонить?

— Потому что у неё выходной, Аня.

Он произнёс моё имя медленно, и я представила, как два года таким же голосом объяснял Валерии, почему снова не может остаться. Дмитрий умел превращать чужое ожидание в разумную меру.

— Хорошо, — сказала я. — Буду беспокоить только законного мужа.

Он накрыл мою руку ладонью.

— Ты на меня сердишься?

— За яйца. Белок должен быть белым, Дим. Это даже в названии заложено.

На этот раз он улыбнулся. Я различила движение рта и складку возле щеки — лицо мужа проступало всё увереннее, будто кто-то медленно проявлял старую фотографию. Хотелось отвернуться, но я заставила себя смотреть чуть ниже его подбородка.

Перед уходом Дмитрий проверил таблетки, поставил возле кровати воду и вложил мне в руку телефон. Забота была настоящей. В этом и заключалась самая мерзкая часть: он был хорошим мужем — между звонками любовнице, поцелуями на кухне и обещаниями однажды решить, что делать со мной дальше.

Входная дверь закрылась в половине десятого. Я дождалась, пока лифт увезёт его вниз, потом ещё десять минут сидела на кровати, слушая квартиру. Никто не включал воду, не переставлял чашки, не следил, в какую сторону я поворачиваю голову. Тишина оказалась такой непривычной, что сначала я не поверила в неё.

Паспорт и карта лежали там, где я их спрятала. Я принесла сумку с аппаратурой на кровать, достала документы и открыла банковское приложение.

Телефон потребовал навести камеру на паспорт. Голосовой помощник повторял: «Переместите документ левее», и я двигала его то слишком далеко, то обратно. После шестой попытки экран стал зелёным, затем пришлось повернуть лицо к окну и моргнуть. Наконец приложение открылось.

На карте было тридцать восемь тысяч шестьсот четыре рубля.

Я прочитала сумму трижды. Цифры расползались, и сначала мне показалось, что между ними потерялся ноль. Потом включила озвучивание. Механический голос подтвердил: тридцать восемь тысяч шестьсот четыре рубля семьдесят две копейки.

До аварии на накопительном счёте лежало почти два миллиона. Я собиралась арендовать студию побольше, но Дмитрий считал, что деньги лучше пустить на квартиру. Я отказалась. Деньги заработала я, студия тоже должна была быть моей.

Накопительного счёта в списке не было.

Я открыла историю. Девять недель назад счёт закрыли, один миллион восемьсот сорок тысяч перевели Дмитрию Миронову. В назначении стояло короткое: «личные средства».

Я листала историю, пока буквы не превратились в серые полосы. Дата не менялась. За два дня до перевода Дмитрий приезжал в реабилитационный центр с папкой документов. Я была

после капельницы, меня тошнило. Он сказал, что страховой нужны подписи, вложил ручку мне в пальцы и несколько раз передвинул руку по листам.

«Здесь, Ань. И ещё ниже. Молодец».

Я даже пошутила, что теперь он может продать меня вместе с квартирой. Дмитрий рассмеялся и ответил: «Кому ты нужна такая вредная?»

Почти два миллиона.

Я набрала банк. Когда ответила живая девушка, я уже сидела на полу возле кровати — так было проще не промахнуться мимо края.

— Перевод подтверждён с вашего телефона кодом из сообщения, — сообщила она после проверки. — Операция выполнена корректно.

— Я тогда не видела экран.

— Понимаю. Но код был введен верно.

— Не мной.

Голос девушки стал осторожнее, из человеческого превратился в банковский.

— Если у третьего лица есть доступ к вашему устройству, рекомендую завершить все активные сессии и сменить пароль.

— После этого придёт уведомление?

— На доверенные устройства — да.

— Какие устройства сейчас доверенные?

Она попросила подождать. Музыка заиграла снова.

— Два смартфона, — сказала девушка. — Модель первого совпадает с той, с которой вы звоните. Второе устройство добавлено восемь недель назад.

Через неделю после перевода.

— Можете отключить второе?

— Конечно. Я также заблокирую вход и помогу сменить данные. Продолжить?

Я посмотрела на дверь спальни. Пустой коридор серел за ней, но мне всё равно почудился тёмный силуэт мужа.

— Нет. Пока нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда чем-то ещё могу помочь?

Хотелось попросить вернуть мне два года, зрение и подпись, поставленную вслепую. Вместо этого я заказала выписку на электронную почту и отключилась.

На часах было одиннадцать сорок. Дмитрий мог вернуться в любой момент, Валерия — тоже. Я спрятала паспорт и карту, но теперь сумка с аппаратурой казалась не тайником, а прозрачным пакетом. В квартире не осталось места, которого они не считали своим.

Я достала картонку с номером клиники.

Кирилл перезвонил через двадцать минут. Я уже успела решить, что Дмитрий каким-то образом узнал о звонке.

— Анна? — Голос у него был тише, чем в кабинете. — Мне сказали, вы просили срочно.

— Возможно, я преувеличила.

— Что случилось со зрением?

— Ничего. Сегодня даже лучше.

Он помолчал.

— Тогда что случилось не со зрением?

Я провела ногтем по шву на джинсах. Рассказать врачу о муже оказалось тяжелее, чем позволить ему светить мне в глаза. Медицинские подробности принадлежали телу, а не моей глупости.

— Я достала документы, — сказала я. — И проверила счёт. Дмитрий перевёл себе мои накопления, когда я была в реабилитационном центре.

— Вы давали согласие?

— Я подписала бумаги, которых не видела. Он сказал, что для страховой.

На другом конце что-то стукнуло. Кирилл, кажется, закрыл дверь.

— Сколько?

— Почти два миллиона.

— У вас остались деньги, к которым он не имеет доступа?

— Тридцать восемь тысяч. И доступ имеет. Его телефон подключён к моему банку.

— Не отключайте прямо сейчас.

— Я уже догадалась.

— Хорошо.

— Ничего хорошего.

— Нет. Но вы позвонили до того, как сделали то, что первым приходит в голову. Это полезно.

Кирилл не пытался сделать происходящее нормальным. Просто отделял следующий шаг от всех остальных, чтобы я не свалилась под их весом.

— Вы нашли человека вне дома? — спросил он.

— Я звоню вам.

— Я ваш врач.

— Очень деликатный способ отказаться.

— Не отказываюсь. Но врач с другого конца города, который не знает кода от подъезда, — плохой план на случай, если вам придётся уйти ночью.

— Откуда вы знаете, где я живу?

— Адрес есть в карте.

— А про код нигде не написано. Недоработка клиники.

Кирилл тихо усмехнулся, но сразу стал серьёзным.

— Кто работал с вами до аварии? Кто не связан с Дмитрием?

Перед глазами возникла студия и женщина, которая носила в сумке булавки, обезболивающее, собачьи лакомства и половину чужих дедлайнов.

— Марина. Мой продюсер.

— Подруга?

— Когда я в последний раз называла её продюсером, она бросила в меня степлер.

— Значит, подруга.

— Мы не разговаривали после аварии.

— Позвоните.

— А если она не захочет?

— Тогда вы будете знать. Сейчас вы только боитесь за неё заранее.

Он велел позвонить, если зрение резко ухудшится, и отключился. Никаких обещаний всё решить, никаких «я рядом». Следующий звонок я должна была сделать сама. Неприятный человек.

Номер Марины сохранился в избранном. Я нажала на имя и приготовилась слушать длинные гудки, но она ответила сразу.

— Да?

— Марин.

В трубке стало тихо. Потом что-то упало, послышался собачий лай и её голос, уже не в телефон:

— Чип, заткнись, я не тебе.

— Хорошее начало разговора после трёх месяцев.

— Аня?

Она произнесла моё имя так, будто проверяла, не шутит ли кто-то совсем плохо.

— Пока ещё.

— Господи. Подожди. Ты сама звонишь? Что случилось? Тебе хуже?

— Почему сразу хуже?

— Потому что Дима сказал не беспокоить тебя. Я приезжала дважды, он даже в квартиру не пустил. Потом с твоего номера пришло, что ты не хочешь никого слышать и сама позвонишь, когда сможешь. Я решила, ты... — Марина оборвала фразу и шумно выдохнула. — Чёрт. Это не ты написала?

Я вспомнила рабочие чаты, замолчавшие через неделю после аварии. Телефон почти всё время лежал у Дмитрия. Он отвечал на звонки, читал сообщения вслух, удалял рекламу, потому что экранный диктор утомлял меня. Ещё одна разумная мера.

— Нет.

— Я убью его.

— В очередь.

— Ань, что происходит?

Я не рассказала ей про поцелуй на кухне, два года и деньги. Не смогла вывалить всё сразу, будто содержимое сумки на досмотре. Сказала только, что зрение начало возвращаться, Дмитрий об этом не знает и мне может понадобится помощь.

Марина не перебивала. Даже Чип замолчал.

— Я сейчас приеду, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Дима увидит тебя у подъезда раньше, чем ты поднимешься. Камера приходит ему на телефон.

— Господи, вы что, живёте в бункере?

— До вчерашнего дня я называла это хорошим жилым комплексом.

— Тогда куда за тобой приехать?

— Пока никуда. Мне нужно время.

— На что?

Вопрос был правильным, но ответа у меня не было. Научиться видеть достаточно, чтобы не шагнуть под машину. Понять, куда ушли деньги. Собрать вещи, которые Дмитрий не заметит. Перестать надеяться, что два года можно объяснить одной ужасной ошибкой.

— Если я напишу, что нужен штатив, приезжай, — сказала я. — Не звони. И никому не говори.

— Даже ему?

— Особенно ему.

В замке входной двери повернулся ключ.

Я замолчала. Марина что-то спросила, но кровь толкнулась в ушах и заглушила слова. Дмитрий не мог вернуться так рано. Он сказал — вечером. Лифт я не слышала.

— Мне пора, — шепнула я и отключилась.

Дверь открылась. В прихожей звякнули ключи, муж снял пальто и прошёл не в спальню, а прямо в кабинет. Я сунула телефон под подушку, убрала картонку с номером клиники в наволочку и села, положив руки на колени. Через стену выдвинулся нижний ящик стола.

Пауза.

Затем ящик задвинулся.

Шаги приближались медленно. Дмитрий остановился возле спальни, не постучал. Я увидела его тёмную фигуру в дверном проёме и улыбнулась чуть левее лица.

— Ты рано.

— Вернулся за документами.

— Нашёл?

Он вошёл, сел передо мной на корточки и взял за руки. Ладони у него были холодные.

Голос — совершенно спокойный.

— Аня, где твой паспорт?

Глава 5

— У меня.

Дмитрий не переспросил. Только медленно провёл большими пальцами по моим ладоням, будто проверял, не спрятала ли я паспорт между пальцами.

— Где?

— В шкафу.

— Зачем ты его взяла?

Я могла соврать. Сказать, что Валерия переложила, что сама ничего не помню, что искала медицинские выписки и случайно унесла документ вместе с ними. После аварии мне прощали забывчивость, резкость, разбитые чашки. Наверное, простили бы и паспорт. Но ложь пришлось бы строить из деталей, которых Дмитрий знал больше меня: он видел ящик, папку, положение бумаг. Поэтому я выбрала правду, только не всю.

— Банковское приложение попросило подтвердить личность.

Его пальцы остановились.

— Ты заходила в банк?

— Пыталась.

— Когда?

— Сегодня.

— Как ты нашла паспорт?

— Вчера была в кабинете. Лера меня там видела.

Я произнесла это спокойно и сразу поняла, что ошиблась. Дмитрий не спрашивал, кто меня видел. Теперь у него появился человек, с которым можно сверить каждое моё движение.

— Она ничего не сказала.

— Наверное, решила, что у слепой женщины может быть дело в кабинете собственного мужа.

— Не называй себя так.

— Как? Женщиной?

Он отпустил мои руки и выпрямился. Тёмная фигура стала выше, заслонила половину дверного проёма.

— Принеси паспорт.

— Ты пришёл за ним. Сам и принеси.

Дмитрий повернулся к шкафу. Я услышала два шага и поняла, что ещё секунда — и он откроет не ту дверцу, вытащит сумку, расстегнёт карман для карт памяти. Банковская карта лежала рядом с паспортом. Её пропажу он пока не заметил.

— Нет, — сказала я и поднялась. — Я сама.

— Ань, сядь.

— Я знаю, где он.

До шкафа было четыре шага. Я сделала пять, коснулась коленом пуфа и тихо выругалась. Дмитрий сразу оказался рядом, взял под локоть, но я высвободилась. При нём любое движение требовало отдельного решения: насколько точно повернуть голову, быстро ли найти ручку, где остановить взгляд. Зрение помогало дойти до тайника и одновременно мешало притворяться человеком, который этого тайника не видит.

Я открыла шкаф, провела ладонью по свитерам и нащупала ремень сумки. Расстегнула молнию, закрывая собой внутренний карман, достала паспорт. Карта осталась внутри.

— Держи.

Дмитрий не взял сразу. Я видела его руку возле моей, но смотрела чуть выше и ждала. Наконец пальцы коснулись обложки.

- Ты открыла приложение? — спросил он.
- Открыла.
- И что хотела сделать?
- Посмотреть на свои деньги. Необычное желание?
- Ты могла спросить меня.
- Спросить, сколько у меня денег?
- Попросить помочь со входом.
- Я справилась.

Эти два слова изменили его лицо. Пока ещё не черты — я различала только движение бровей и тёмную линию рта, — но что-то в нём собралось, стало жёстче. Дмитрий привык радоваться моим маленьким победам. Правда, только тем, которые происходили при нём.

- С помощью голосового управления? — уточнил он.
- Да.
- Паспорт нужно сканировать камерой.
- Телефон говорил, куда его двигать.
- И у тебя получилось?
- С шестой попытки.

Он опустил глаза на паспорт, потёр большим пальцем герб.

- Что ты там увидела?
- Ничего. Я услышала. Тридцать восемь тысяч шестьсот четыре рубля.

Дмитрий прикрыл дверь спальни. Не захлопнул, просто отделил нас от пустой квартиры. Этот жест напугал сильнее, чем если бы он повысил голос.

- Я собирался всё объяснить.
- Когда? После того как стану самостоятельнее?
- Он посмотрел на меня. Я успела отвести глаза к стене.
- При чём здесь это?
- Ни при чём. Так где деньги?
- В деле.
- В каком?
- В моём. У компании был кассовый разрыв, владельцы задержали платёж, подрядчики

встали. Мне нужно было закрыть зарплаты и закончить объект, иначе мы потеряли бы контракт.

Он говорил ровно, привычно раскладывая катастрофу по деловым словам. Кассовый разрыв. Подрядчики. Контракт. Ни одно из них не означало «я взял деньги у жены, пока она не могла прочитать сумму на экране».

- Все миллион восемьсот сорок тысяч ушли на зарплаты?
- Часть. Около шестисот тысяч стоили твоя реабилитация, обследования и сиделка.
- Валерия не сиделка.
- Я не о ней. До неё приезжала женщина из агентства, ты забыла?

Я не забыла. Тамара Львовна пахла камфорой, приносила в контейнере котлеты и каждый раз спрашивала, почему у нас нет детей. Через две недели Дмитрий сказал, что она берёт слишком дорого. Значит, шестисот тысяч стоили не её двенадцать визитов.

- Страховая покрыла реабилитационный центр.
- Не всё. Были лекарства, частные врачи, оборудование. Я не записывал каждую тысячу, Аня. Мне было не до отчётов.
- Зато до перевода было.
- Деньги лежали без движения, а мне нужно было спасти компанию. Нашу жизнь, между прочим.
- Моя жизнь лежала в реабилитационном центре.

Он провёл ладонью по лицу, отошёл к окну. Теперь я видела профиль: нос, подбородок, тёмную впадину глаза. Ещё вчера я бы заплакала от одного этого — лицо мужа возвращалось ко мне после одиннадцати недель. Сегодня хотелось, чтобы оно снова расплылось.

— Ты подписала договор займа, — сказал Дмитрий.

— Ты сказал, что это бумаги для страховой.

— Часть была для страховой. Я объяснил про деньги.

— Когда? До капельницы или после того, как меня вырвало?

— Ты всё понимала.

— Я не видела ни одного листа.

— Но доверяла мне.

Вот оно. Не оправдание — обвинение. Я сама виновата, что доверяла мужу достаточно, чтобы поставить подпись там, куда он направил руку.

— Когда вернёшь?

— После расчёта по объекту. В конце месяца.

— На мой счёт?

— Конечно.

— Тогда зачем твой телефон подключён к моему банку?

Он повернулся слишком резко.

— Откуда ты знаешь?

— Позвонила в поддержку.

— Ты разговаривала с банком?

— Представь себе. Люди иногда отвечают, даже если ты не стоишь рядом и не разрешаешь им со мной говорить.

Дмитрий подошёл, присел передо мной. Теперь лицо было близко, и я опустила взгляд на его воротник.

— Я подключил устройство, чтобы оплачивать твои лекарства и контролировать расходы. Ты сама просила.

— Я просила купить капли. Не контролировать расходы.

— Ты не могла пользоваться приложением.

— Поэтому им решил пользоваться ты.

— А что мне оставалось? Каждый раз приносить тебе телефон и зачитывать сумму?

— Да.

Ответ получился таким простым, что Дмитрий замолчал.

— Лера тут ни при чём, — сказал он наконец. — Она только распечатала договор.

Я медленно подняла голову.

— Я не спрашивала про Леру.

На этот раз выражение его лица я почти увидела. Не вину — короткое раздражение человека, который сам отдал лишнюю карту. Дмитрий поднялся, убрал паспорт во внутренний карман пальто.

— Мне надо ехать. Вечером спокойно поговорим.

— О чём? О деньгах или о том, почему твоя помощница печатает договор, по которому ты забираешь с моего счёта всё?

— Не всё. У тебя остались деньги.

— Тридцать восемь тысяч шестьсот четыре рубля. Даже копейки могу назвать, если хочешь.

— Аня, хватит.

Он сказал это негромко, но знакомым тоном: разговор закрыт, жена устала, решение принято. Потом заметил телефон под подушкой и протянул руку.

— Дай.

- Зачем?
- Проверю настройки банка.
- Не надо.
- Ты можешь случайно заблокировать доступ.
- Твой?

Дмитрий не ответил. Я прижала телефон к животу, и несколько секунд мы смотрели друг на друга — точнее, он смотрел, а я целилась в размытое пятно у его уха. Раньше такой спор закончился бы за минуту: он объяснил бы, почему знает лучше, я отдала бы вещь и ещё извинилась за недоверие. Сейчас телефон остался у меня.

- Сегодня придёт Валерия, — сказал он у двери. — Не оставайся одна.
- После вчерашнего ей полезнее отдохнуть.
- Его рука легла на ручку.
- Ты слышала наш разговор?
- Я слышала, как она хлопнула дверью. Остальное ты рассказал сам.
- Он постоял ещё секунду и вышел.

Валерия приехала через час. Без красной помады её лицо почти исчезло: остались тёмные глаза, бледный рот и волосы, стянутые на затылке. Под глазами лежали серые тени. Наверное, она тоже не спала. Разница заключалась в том, что утром ей не пришлось есть яйца, приготовленные чужим мужем из чувства вины.

- Дмитрий сказал, вам нехорошо, — произнесла она, снимая пальто.
- Дмитрий сегодня много кому что-то сказал.

Валерия повесила одежду, аккуратно расправила воротник. Делала она всё медленнее обычного, будто по дороге сюда решила соблюдать только должностную инструкцию: помочь снять куртку, приготовить обед, не целовать работодателя при жене.

- Вам дать лекарство?
- Мне уже дали договор займа. Правда, девять недель назад.
- Её рука осталась на плечике.
- Простите?
- Тот, который вы распечатали. Дмитрий сказал, вы в курсе.
- Он сказал только, что она печатала. Я добавила остальное и стала ждать.
- Это ваши семейные дела, — ответила Валерия после короткой паузы.
- Значит, в курсе.
- Я работаю с документами компании. Там не было ничего необычного.
- Вы часто готовите договоры, которые жена директора подписывает после капельницы,

не видя текста?

Валерия обернулась. Её губы дрогнули, но голос остался ровным.

- Дмитрий сказал, вы всё обсудили.
- А вы всегда верите тому, что говорит Дмитрий?
- Теперь молчание длилось дольше.

— Нет, — произнесла она наконец.

Ответ оказался честнее, чем мне хотелось. На секунду мы перестали быть женой и любовницей. Остались две женщины, каждая из которых однажды согласилась ждать, пока Дмитрий объяснит, почему поступил правильно.

Валерия первой отвела взгляд.

- Я приготовлю обед.
- Я не голодна.
- Вам нужно есть перед таблетками.
- Конечно. Иначе Дмитрий расстроится.

Она ушла на кухню. Я слушала, как открываются шкафы и вода бьёт по дну кастрюли, затем достала телефон. В чате с Мариной не было новых сообщений. Я написала два слова: «Нужен штатив».

Ответ пришёл почти сразу.

«Куда?»

Я не знала. Подъезд отпадал, студию Дмитрий наверняка проверит первой, одной выйти на улицу я пока не могла. Оставалось место, куда он сам согласится меня привезти.

«Жди. Напишу время».

Я удалила переписку и вернула телефон под подушку. На кухне перестала течь вода.

— С кем вы разговаривали? — спросила Валерия из коридора.

Она стояла у двери спальни с полотенцем в руках. Я не слышала, как подошла.

— С телефоном.

— Я слышала голос.

— Экранный диктор. Хотите познакомлю?

Валерия не улыбнулась. Подошла, положила полотенце на кресло и поправила стакан на тумбочке, хотя он стоял ровно.

— Дмитрий переживает, что вы переутомляетесь.

— Поэтому прислал вас следить?

— Поэтому попросил побыть рядом.

— А вы не умеете ему отказывать.

Красного пятна не было, и я не могла понять, сжала она губы или открыла рот. Пришлось ждать ответа.

— Умею, — сказала Валерия. — Иногда.

— Вчера получилось.

Она резко повернула голову.

— Вы всё-таки слышали.

— Как вы ушли? Да.

— Только это?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Я нащупала стакан, сделала глоток и промахнулась мимо тумбочки, когда ставила обратно. Вода выплеснулась мне на колени. Валерия подхватила стакан, схватила полотенце и присела рядом.

— Осторожно.

— Поздно.

Она промокнула джинсы, потом задержала руку возле моего колена. Я смотрела прямо перед собой.

— Вы меня проверяете, Лера? — спросила я.

— Что?

— Всё утро один и тот же вопрос: что я слышала, с кем говорила, зачем взяла паспорт. Осталось спросить, сколько пальцев вы показываете.

Валерия медленно поднялась.

— Я ничего не показываю.

— Вот и хорошо.

Она вышла, унеся мокрое полотенце. Обед мы ели молча.

Дмитрий вернулся после семи. Паспорт он не привёз — по крайней мере, в серой папке его снова не оказалось. Я проверила, пока Валерия встречала его в прихожей. Они разговаривали вполголоса, но слов я не разобрала. Зато увидела, как она коснулась его рукава и сразу убрала руку, когда я вышла из кабинета.

— Что ты там делала? — спросил Дмитрий.

— Искала паспорт. Ты ведь обещал вернуть.

— Я не обещал. Он понадобится завтра.

— Для чего?

— Поедем в банк. Закроем вопросы с доступом и заодно возьмём выписку по расходам.

— Выписка уже пришла мне на почту.

Он снял часы и положил на тумбу. Впервые за много недель. Без них запястье выглядело неожиданно голым.

— Тогда распечатаем и спокойно разберём каждый платёж, — сказал он. — Не хочу, чтобы ты накручивала себя.

— Лера сказала, ты с кем-то разговаривала.

Валерия осталась возле шкафа с его пальто в руках и посмотрела на меня.

— С банком, — ответила я. — Потом звонила в клинику.

— Она слышала женский голос позже.

— У экранного диктора женский голос. Или теперь нужно согласовывать каждый звонок?

— Я просто не хочу, чтобы ты накручивала себя разговорами с людьми, которые не знают всей ситуации.

— Я прекрасно справляюсь без посторонней помощи.

— Завтра я хочу к Кириллу, — сказала я. — Голова болит, зрение утром мерцало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.